

18+

СИБИРИАДА

ИСТОРИЯ ПАДЕНИЯ

Сибириада Сибириада

История падения

<https://litres.ru/74306484>

ISBN 9785007069410

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

На страницах данного романа автор откровенно повествует о трудностях, сопутствующих среднестатистической семье в период перемен жизненной реальности в постсоветской России, о ломке традиционных ценностей и важности сохранения духа в любых перипетиях судьбы.

Содержание

Глава 1. Предопределенность	5
Глава 2.	15
Глава 3.	60
Конец ознакомительного фрагмента.	78

История падения

Сибириада

© Сибириада, 2026

ISBN 978-5-0070-6941-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Предопределенность

Судьбы людей складываются по-разному, многим из них удается создать свой особенный семейный мир, в котором сохраняется устоявшийся быт и покой. Семьи могут быть традиционными — крепкими и надежными, а могут быть проблемными и несчастливыми. Когда люди соединяют свои судьбы, они, как правило, имеют чистые намерения, зачастую являются светло ориентированными людьми, но с течением времени нередко случается так, что кто-то из супругов выбирает темную сторону реальности и тогда жизнь в брачном союзе становится невыносимой. В таком случае развод неизбежен и может быть спасением для одного или обоих супругов.

Когда человек только начинает склоняться к мраку, его еще можно остановить, но если он уже выбрал темную сторону реальности, «пристроил» душу в соответствии со своими предпочтениями, тогда что-либо поправить становится не возможным, «бодаться» с Отрицательной системой нет смысла, она жестко держит своих приверженцев и бьет тех, кто пытается вернуть их на светлую сторону реальности, поэтому каждому земному человеку важно следить за своим духовным планом, питать душу Светом и не поддаваться на темные искушения. Подобную ситуацию можно проиллюстрировать картинкой: жучок попадает в стеклянную банку

с высокими стенками, скребется, пытаюсь выбраться наружу, но у него ничего не получается, он снова и снова соскальзывает вниз.

Удивительно то, что наша душа все знает наперед, но мы к ней зачастую не прислушиваемся, уговариваем себя, что все обстоит не так печально, как нам кажется, потому что мы хотим верить людям, думать о них лучше, чем они есть на самом деле.

Когда я только начинала встречаться со своим будущим мужем, он раздражал меня чрезмерной самоуверенностью, в нем уже просматривалась непомерная гордыня и мания величия. Его родители, деревенские люди, воспитали чувство исключительности в сыне, а он всего лишь не пил и не курил в юности, как некоторые его сверстники, в школе учился более чем посредственно и за всю жизнь так и не научился говорить правильно и писал с ошибками, но уже в раннем детстве полюбил играть в шахматы, просчитывать ситуации на игровой доске. Хор восхваления вокруг него был громким, люди восторгались, что мальчик помогает родителям по дому и эти восхваления ему видимо понравились и стали необходимыми. Родители тоже участвовали в общем хоре, что и понятно, ведь для них их ребенок всегда самый лучший. С детства он уверовал во власть денег. Его отец и мать по тем временам неплохо зарабатывали, имели просторную усадьбу и легковую машину, он вырос уверенным в себе, ведь родители ничего для него не жалели. Когда по окончании сред-

ней школы он отправился учиться в ближайший город, они постоянно посылали ему немалые деньги и парень избегал обычной столовой, где питались его товарищи — курсанты военного училища. Вместо столовой он ходил в буфет и отъедался там разными вкусностями. Около него в те годы постоянно крутился мелкий прихлебатель, хитрый парень из соседнего села, который знал на какие струнки товарища надо давить, чтобы он и его подкармливал. С молодых ногтей его уверенность в себе поддерживала еще и тетка — сестра отца, женщина ловкая и денежная. Она любила племянника и принимала активное участие в его судьбе, внесла большой вклад в становление его характера. Когда он учился в школе, то навещал тетушку, проживающую в Алма-Ате на летних каникулах. Тетя подвизалась в системе общественного питания. Она уехала из деревни в восточный город, когда ей было всего шестнадцать лет от роду и стала ученицей кондитера в комбинате питания. Благодаря своей изворотливости она быстро поднялась по социальной лестнице. Она знала, что к людям, от которых что-то зависит в ее жизни, нужно уметь подольститься, быть полезной, на подхвате, делиться доходами, глядишь и они не забудут угодливую девушку. В молодые годы эта женщина вышла замуж за столяра с золотыми руками, когда он не пил, то строил дома и дачи в пригороде, которые жена выгодно продавала. Эта страсть к преумножению богатства процветала в ней всю жизнь и не давала покоя. Ее муж спустя годы стал проматывать семейные деньги, от-

кровенно кутил с продажными женщинами. Ребенок родился в их семье недоразвитый, стал рано тянуться к бутылке, что не мешало этой женщине быть образцом для подражания для всей своей многочисленной деревенской родни, ею гордились, возносили, ставили в пример, ведь она выбилась «в люди» и преуспевала. Когда тетя приезжала на родину, то демонстрировала всем свое богатство, делала родственникам значительные подарки, фактически покупала их подобострастное к себе отношение, но эти подарки не были безвозмездными, потом она норовила распоряжаться их судьбами. Лесть она любила до умопомрачения. Когда ее хвалили, она возносилась и начинала врать, как заведенная. Несомненно, тетка поделилась с племянником своей психической инфекцией, а главный урок, который она преподавала ему был тот, что люди — мусор, все и вся можно купить и продать, ловко играть на низменных чувствах людей и преследовать прежде всего свои интересы.

Мы поженились и переехали на место службы мужа в столицу. В этом я усматривала перст судьбы, ведь особого желания выходить за него замуж не испытывала, мне еще хотелось петь, танцевать и веселиться с подружками. Когда человек увлечен другим, он часто создает ему романтический образ, пребывает в иллюзии своего к нему отношения. Этот человек может оказаться совсем не таким, каким рисует его воображение, но, если он молчит и не разрушает придуманный образ, то и остается на какое-то время идеальным в его гла-

зах. Человек может думать, что его партнер — культурный, умный и духовный человек, но это не соответствует действительности.

Будучи ранимой и эмоциональной женщиной, я часто обижалась на мужа и много плакала. Мне было странно, что он не понимал элементарных, казалось бы, вещей, никогда меня не защищал и в сложные моменты бытия проявлял малодушие. Я была идеалисткой, хотела быть равной мужу, как это было принято в моей изначальной семье, а в его семье процветал домострой. Я интуитивно понимала, что при сложной ситуации на мужественность мужа рассчитывать не стоит, поэтому всегда старалась увести его подальше от возможных столкновений с другими людьми. Проявляла терпение и лучшие качества, потому что восприняла брак очень серьезно, на всю жизнь. Появившиеся вскоре дети требовали к себе внимания, я была поглощена семейными заботами, многого не замечала и мое отношение к мужу на протяжении многих лет совместной жизни менялось в соответствии с обстоятельствами.

Муж часто уезжал в длительные служебные командировки и по возвращению любил выслушивать мои отчеты о том, что происходило в доме за время его отсутствия. Я сознательно воспитывала в нем любовь к детям, а у детей к отцу. Он был заботливым отцом, неплохо обеспечивал семью и в свободное время возился с детьми. Ему очень нравилось, что сын был похож на него лицом и люди вокруг говорили

ему об этом. Пока дети росли, мы варились в общем семейном соку, благополучно сводили концы с концами, регулярно навещали стареющих родителей. Мы жили, как все и даже лучше, потому что наши родители помогали нам всем, чем могли, но мы с мужем так и не стали гармоничной парой. Я вышла замуж девственной и в начале семейной жизни была расположена полюбить его, хотела стать с ним единым целым, как это обстояло у моих родителей, но он все испортил. Произошел мелкий инцидент в самом начале нашей совместной жизни, который повлиял на всю последующую жизнь. Свекровь через несколько дней после свадьбы отправила нас вместе мыться в баню и положила в предбаннике одно большое полотенце на двоих. Было лето. Я вышла раньше, слегка промокнула тело. Потом вышел муж и спросил, вытирала ли я промежность этим полотенцем? Я сказала: «Нет, а это что-то меняет?» Он ответил, что в таком случае он этим полотенцем вытираться не станет. Так он продемонстрировал мне, что он — чистый, а я — нет, хотя с детства я отличалась самым пристальным отношением к чистоте тела и дыхания. Я оскорбилась и отказала ему в доступе к телу. Был скандал, родственники всячески старались примирить нас, муж давал мне обещание вести себя иначе, но ситуация и в дальнейшем не изменилась, и я стала избегать контактов с ним. Одно время пыталась наладить отношения и делала все возможное, но это оказалось бесполезной затеей, муж оказался не способным воспринимать кого-либо, кроме себя, в

нем напрочь отсутствовала эмпатия. Муж никогда не извинялся передо мной за допущенные ошибки и не исправлял своего поведения. Я стала смотреть на интимную область отношений, как на супружеский долг, который время от времени надо бы исполнять. Длительные служебные командировки мужа значительно сокращали наш совместный досуг, меня все устраивало, потому что я от него уставала. Бездарный подход к чувственному общению на протяжении многих лет принес свои плоды, я перестала воспринимать мужа мужчиной. Секс без любви отвратителен. Когда женщина не удовлетворена, а делает вид, что все в порядке, то блокирует в себе поток жизненной силы и тем самым разрушает отношения, при этом уменьшается ее сексуальная энергия.

Муж отличался умением помалкивать в разных ситуациях и поэтому долгое время я думала, что он умнее, чем был на самом деле, мало что попадало в зону моего внимания, тем более, что о своих делах он мне почти ничего не рассказывал. Он не умел хорошо вести себя на людях, в быту же был не аккуратен, чихал, не прикрывая рта, сморкался за столом, на замечания раздражался, что заставляло меня время от времени вслух сожалеть о том, что в военном училище ему не преподавали этику и эстетику...

Я была занята детьми и домашним хозяйством, поддерживала связь с родственниками. В советское время было очень трудно одеться красиво и не стандартно, поэтому я окончила долговременные швейные курсы по моделированию лег-

кого женского платья и обшивала всю семью, включая детей, мать и свекровь, а также неплохо подрабатывала на дому, имея клиентов, которые обращались ко мне по рекомендациям знакомых. Муж основное время проводил на службе, в домашних делах почти не участвовал, но ему была нужна семья и статус порядочного, уважаемого человека. Особенно ему нравилось утверждаться в глазах своих близких родственников, которых он регулярно навещал.

Падение моего мужа происходило незаметно, порочность его натуры раскрывалась постепенно. Поначалу он проявлял себя как обычный советский обыватель, любил по-деревенски балагурить, хвастаться успехами и новыми приобретениями перед родней и товарищами по службе.

Первые тревожные звоночки в семье прозвенели, когда наши дети подросли. Как-то мы с мужем поехали в ведомственных санаторий и там же оказался его товарищ по службе, амбициозный и наглый человек. Думаю, что друзья заранее договорились встретиться на курорте. Как-то мы втроем поехали на экскурсию, и я заметила, что товарищ мужа — женатый мужчина, держит за ягодицы какую-то случайную девушку. Потом этот товарищ позвал моего мужа без меня на дискотеку. Я возмутилась этим фактом, а муж разозлился и предложил нам пожить какое-то время врозь и все-таки пошел один на танцы. Я была настолько расстроена, что у меня возник импульс пойти в ночь, куда глаза глядят, но ситуация в ближайшие дни сгладилась, мы вернулись домой и все

пошло обычным чередом.

Большие проблемы возникли, когда у нашей дочери начался переходный возраст. В ней возник и с раннего детства закрепился «комплекс Электры», это тот случай, когда девочка любит отца и отвергает мать. Моя дочь с раннего детства очень любила отца и даже первое слово, которое она произнесла в своей жизни было «папа». Свое предпочтение она ярко проявляла даже во младенчестве. Все наши соседи по коммунальной тогда квартире знали, что мой муж пришел с работы, потому что дочь при виде отца ликовала, открывала рот и пронзительно подолгу визжала. Мне понадобилось много лет, прежде чем я поняла истоки ее предпочтения. Я даже поступила на факультет психологии, чтобы разобраться в этой проблеме, а причина была в том, что во время беременности я отвергала ее отца, а значит и ее. Дочь позволяла хамить мне, даже на людях, а отец в это время молчал и не одергивал ее, ведь ему она демонстрировала свою привязанность. Это положение еще сильнее поколебало мое к нему отношение. Женщина в браке рассчитывает на поддержку, безопасность и благодарность. В моем понимании муж должен был защищать жену от всего негативного, даже от собственных детей. Когда я высказывала ему свое недовольство, он хранил молчание и как-то после очередной ссоры заявил мне, что, если моя жизнь с ним невыносима, я могу подавать на развод, типа того, что он это переживет. Наверное, в тот момент он забыл сколько всего мы пережили вместе, сколько

я вынесла, если не по его вине, то с его участием. Мое сердце было готово разбиться от ужаса, но я сумела тогда превозмочь себя ради сохранения нашей семьи. В мелких заботах проходили годы, но некоторые его слова и поступки запомнились навсегда...

Глава 2.

Жизнь в провинции

Шло время, в стране происходили перемены, появилось больше возможностей, многие люди подались в индивидуальное предпринимательство, и я тоже решила попробовать себя в этой сфере, окончила трое курсов по бизнесу и принялась с переменным успехом реализовать деловые качества и вот, когда достигла уже весомых результатов, заняв должность второго лица в государственном комбинате, который готовился к приватизации, мой муж решил стать генералом и отправился на Дальний Восток. Я некоторое время оставалась в столице, но он принялся настойчиво звать меня к себе, буквально вопрошал, не собираюсь ли я с ним разводиться и я, скрепя сердце, уволилась с работы «в связи с переводом мужа на новое место службы» и отправилась к нему с сыном, который заканчивал последний класс в школе. Дочь осталась в Москве с домоправительницей, великовозрастной женщиной, которую мы знали много лет и доверяли ей. Она заочно училась в Академии менеджмента инноваций. Когда я приехала к мужу, то оказалась в сложной ситуации, работы там не было даже для местных аборигенов, а сидеть дома без дела и стать гирей на шее мужа мне не хотелось, тем более что у меня накопилось на него много обид. Когда по-

няла, что работы не найти, то стала думать, что же делать, ведь наше пребывание в тех краях могло надолго затянуться. Сначала, по приезду туда, я думала, что муж хочет наладить наши отношения, но мне быстро стало ясно, что ему просто нужна домработница. Моя душа выхолащивалась, что-то в ней медленно умирало, когда я поняла, что не нужна ему. Каждый за себя, один Бог за всех! Никто не говорил мне, что любит меня. Поведение сына выбивало из колеи, он временами раздражался на то, что мама слишком много о нем заботилась. Муж всегда заслонял меня своим авторитетом, воспитывал детей по-своему, во многих взглядах мы с ним расходились. Когда люди сочувствовали матери, воспитывающей детей в одиночестве, я при этом всегда думала, что у этой медали есть и другая сторона — у нее нет конкурентов. Надо было перестраиваться на себя, а я привыкла жить для близких. Следовало научиться меньше говорить, мои мысли стали никому не интересны. Какое-то время мне удавалось держать их при себе, а потом, как говорится — копила, копила и вылила... Мне было почти сорок лет, а какой-то бабьей хитрости я не нажила, во мне превалировали эмоции. Надо было давно понять, что как женщина я мужа не привлекала, да и дети, как прежде не нуждались во мне, денег я в дом не приносила ... «Где черпать силы на жизнь? — думала я, — может быть, отбросив сомнения, сделать усилие над собой и начать учиться чему-то новому, ведь я не сижу, сложа руки, обслуживаю семью и имею право претендовать на ка-

кие-то мелкие средства в свою пользу. Моя душа была живой и требовала духовной пищи, я боялась потерять веру в себя, а это, как известно, гибельный путь. Прежде могла многое преодолевать, но теперь у меня стало меньше энергии. И вот, увидев в газете объявление, что в столице новый, творческий вуз производит набор студентов на следующий учебный год я написала туда, отправила некоторые свои рассказы и вскоре получила ответ, что принята на обучение. Моему восторгу не было предела! Оплата учебы была более чем незначительной и в сорок лет я снова стала студенткой! Мне хотелось, чтобы дети начали уважать меня за мои собственные таланты и достижения, а не потому, что я их мать. Я давала себя отчет, что у близких появится повод назвать меня неудачницей, если не потяну учебу, они хотят видеть мать успешной, а то, что я делала для семьи ими воспринималось, как должное. Право изречение, что жить подчас труднее, чем умереть... Раньше мне было важно кто и что скажет обо мне, а теперь стало все безразлично. Я поняла, что все прочие люди ничем не лучше меня. Частенько подолгу не могла заснуть, перед мысленным взором мелькали мечты, грезы, образы прошлого. Как-то увидела во сне, что хоронила мать, в ужасе проснулась и перевернулась на другой бок, чтобы сон не сбылся. Молилась, чтобы это случилось как можно позже. Как мне тогда жить без ее любви и веры в меня?! Кому я тогда буду нужна со своими страданиями? Мое сердце стало больно реагировать на обиды и огорчения, но в обидах есть

и позитивное зерно, они могут стать стимулом к труду.

Мы жили в эпоху смены общественных формаций в стране и были прикованы друг к другу нуждой. Средний месячный доход россиянина в то время был чуть больше пятидесяти долларов. Дочь мечтала о работе за границей, а я о том, как бы сдать экзамены.

Звонила тетка мужа, она была недовольна тем, что я начала учиться в институте: «Какая может быть скука, когда тебе надо обслуживать двух мужиков, вари щи и ни о чем не думай!» Этой женщине было плохо, если другому хорошо... Она прошла большую жизненную школу и быстро сообразила, как выживать — льстить высокопоставленным людям и унижать низестоящих. К периоду «перестройки» она стала начальником кондитерского цеха в комбинате питания в Алма-Ате, а потом, когда предприятие приватизировалось, сумела поделить его ресурсы с другими ловкими людьми. До сына ее руки вечно не доходили. Когда в Казахстане начались притеснения русских, она продала свою долю в комбинате и переправила деньги в Москву с помощью племянника, моего мужа, а потом приехала налегке сама и со смехом рассказывала, как сотрудники на таможне перетряхнули все ее вещи, но ничего ценного не нашли. Осмотревшись на новом месте и уяснив, что у москвичей появились деньги и желание менять «совковую» жизнь на более цивилизованную, она сколотила бригаду рабочих из числа приехавших в столицу на заработки украинцев и молдаван, стала давать рекламу в газете

«Из рук в руки», предлагая всем желающим ремонт квартир за приемлемые деньги, уверяя их при этом, что претензий за качество производимых работ не бывает... На вырученные в Казахстане средства она купила большую квартиру в Москве, а потом на заработанные еще две. Выписала с родины дочь любимой племянницы, чтобы та помогала ей по хозяйству. Девушка оказалась толковой, окончила институт и обзавелась семьей. Всю жизнь тетка мужа гонялась за деньгами, единственный раз в советские времена выезжала в туристическую поездку в столицу Чехословакии и в то время пока товарищи ходили на экскурсии, бегала по магазинам и покупала вещи для перепродажи. Сын ее стал алкоголиком, с мужем она развелась после его длительного загула с продажными женщинами. Для нее стало радостью ездить на родину и хвастать перед родственниками своими успехами, она буквально была готова платить им за восхваления. Родственники, простые люди смотрели эти дешевые спектакли и даже подтрунивали над ней, принимая ее щедрые дары.

Временами я паниковала — сил мало, память не та, дети и муж не верят в меня, машут рукой и только одна мать поддерживает, как всегда. Всю жизнь я испытывала комплексы по поводу своей сдобной фигуры, а ведь следовало любить свое тело, чтобы состояться, как личность, ведь не зря в Библии сказано, что тело человека благословенно...

Страсть к чистоте и порядку, ежедневные сверки планов изводили меня, отнимали много времени от учебы. Хотелось

экономить и во время прогулок не заходить в магазин. Лишние знакомства заводить было совершенно ни к чему, как только я знакомилась с людьми, они начинали одолевать меня просьбами и поручениями. Всем хотелось хоть частично за счет ближнего прожить.

В очередной раз обиделась на сына, ушла из-за стола со слезами, а он ничего, дожевал свой бутерброд, допил кофе и опять сел за компьютер. Мама оказалась виновата, что четыре месяца назад в разговоре со знакомой женщиной сказала о нем, что он — хороший мальчик, а это его разозлило. Он раздражался, что я заставляла его ложиться спать до полуночи, звала на кухню по десять раз... Он говорил мне, что, если я буду лезть к нему, он станет плохо учиться... Мне было трудно с дочерью, теперь похоже пошел второй круг. Я не помнила, чтобы в детстве или в юности обижала свою мамочку, часто молилась за ее здоровье, просила Бога, чтобы забрал мою жизнь, а ее оставил. У нее не хватало времени на хозяйство, она постоянно работала на полторы — две ставки, редко что-то вкусное готовила, кухней зачастую занимался отец. Возможно, мои дети не ценили меня, потому что я чрезмерно старалась им угодить. Мои руки стали грубыми, как у крестьянки, а ногти — ломкими, как стекло, от воды и стиральных порошков. Я хотела бы видеть своих детей любящими и заботливыми, но они пошли в отца — сухие и неласковые. Муж не воспитал в детях уважение к матери, потому что и сам не питал ко мне почтения. Иногда я

чувствовала себя не на своем месте — тут должна была быть другая женщина — простая баба, знающая свое место.

Неожиданно муж уехал на два месяца в отпуск. В этот раз у меня не было уверенности в том, что он не захочет найти «оживляж» на стороне, каких-нибудь любовных приключений. Как бы я повела себя, если бы что-то подобное случилось? Сразу и не нашла бы ответ на этот вопрос, возможно, простила его, если бы он осознал свои ошибки.

В наш маленький городок приезжала Московская делегация, передвигалась в кортеже из двадцати машин, так, наверное, в Москве, горе-президент не ездил... В советское время власти заманили людей на стройку века — БАМ (Байкало-Амурская магистраль), на вечную мерзлоту, закрепили на месте, а нынешняя власть не смогла обеспечить их работой, оттого люди и разбегались кто куда, на месте сидели только те, кому податься было некуда или не на что.

Мне было трудно учиться, я стимулировала себя настойкой «золотого корня», а иначе ходила, как сонная муха. Из почтового ящика в подъезде соседи регулярно воровали друг у друга газеты и журналы, что было не удивительно — многие старались хоть отчасти жить за счет ближнего. Осознав, насколько не выгодно быть доброй и отзывчивой, я пыталась перестроить себя, но ничего не получалось, видно, это качество во мне крепко заложили мои родители.

Звонила тетка, просила разместить в нашей московской квартире часть приехавших к ней родственников из Сиби-

ри, потому что в одну из комнат в своей собственной квартире она поселила квартирантов. Я сказала, чтобы по этому поводу она обращалась к дочери и напомнила ей, что у нее в ближайшем Подмосковье имеется большой, благоустроенный дом и она всегда говорила, что любит принимать гостей. Дальние родственники мужа прежде уже обращались ко мне с просьбой пожить в нашей квартире, но я им отказала. Я бы и со свекровью не ужилась, потому что привыкла быть хозяйкой в доме. У меня развилась стойкая аллергия на ночных гостей, уж слишком много меня в этом плане напрягала прежде мужняя родня.

Я советовала дочери не привечать незваных гостей, которые таскаются по городам и весям в надежде закрепиться в лучшем месте и жить за чужой счет. В советских московских квартирах, которые трудно назвать полноценным жильем, хозяевам самим воздуха не хватает, вот они и остерегались, защищая свое жизненное пространство от посягательств прилипал, готовых залезть на голову ближнему ради того, чтобы сберечь свои деньги. Мне было уже давно безразлично, что подумают обо мне люди, потому что я знала — если что случится, то никого не найдешь, никто реально не поможет. Когда мы прежде уезжали из Москвы в провинцию на несколько лет, о нас вспоминали только наши родители...

Я надеялась, что со временем нам станет легче жить, но оказалось, что жизнь стала еще трудней. Конечно, было бы здорово, если бы в нашей стране было такое правительство,

о котором я даже не вспоминала бы, а реально только о нем и слышала.

Сын в очередной раз пришел домой поздно, мы с ним снова говорили о режиме дня, я расстраивалась из-за того, что он меня не слышит и даже во сне всхлипывала от слез. Мои слова были, как о стенку горох, но я старалась понять его и пересиливала себя, ради благополучия нашей семьи. «Никто не любил меня кроме меня», — в голове часто крутились где-то услышанная фраза, но беда была в том, что я еще не научилась любить себя!

Пришла Рита, местная миловидная женщина за сорок, с которой я познакомилась по приезду в эти суровые края, она была в состоянии развода с мужем, рассказала о своих проблемах, которые были несопоставимы с моими, но мне от этого было не легче. Ее муж ушел от нее к разбитной бабенке, с которой стал вместе торговать на местном рынке и на заработанные барыши они приобрели четыре квартиры в городе, но он все равно хотел при разводе отнять у жены половину их прежней двухкомнатной квартиры, оставив с нею сына. Я наблюдала как близкие люди изводили друг друга, в то время, как следовало бы поддерживать.

Запретила сыну садиться за компьютер, пока не выполнит домашнее задание, но сказала при этом, что несомненно люблю его. Занялась распространением косметики, которой занималась дочь, мне хотелось помочь ей сводить концы с концами в столице. Вместе с очередной доставкой косме-

тики, которая осуществлялась с помощью нашего хорошего друга — директора вагона-ресторана, дочь прислала мне журнал «Вояж», я листала его, сознавая, что мы все стали настолько бедны и зависимы, что вряд ли когда-то будем иметь возможность путешествовать.

Радовалась, что у меня появилась отдушина — познание нового и надеялась, что в перспективе смогу стать полезной хотя бы внукам. Раньше с тревогой думала об этом, а теперь была уверена, что не внуки старят женщину, а огорчения, разочарования и разбитые мечты.

Пошла к пожилой соседке, желая забрать из ее морозильника продукты, оставленные на хранение. Я делилась с нею тем, чего было в избытке и это вызывало в ней явную радость. В этот раз соседка, прибрав мои дары, предложила мне присесть на кухне и поговорить. Я обратила внимание, что у нее появилось много седых волос и посоветовала ей пользоваться красящим шампунем, что очень удобно и дешево, но что она сказала, что ее все устраивает, ее умерший муж любил стройных женщин, а полных называл коровами. Так она косвенно оскорбила меня, и я прекратила с нею всякое общение.

Одна из сотрудниц управления штаба пригласила меня к себе в гости, и я имела глупость к ней зайти. У нее была манера, принимая гостей, делать все медленно, со значением, чтобы гость чувствовал себя обязанным, если садился за ее стол... За чаем с принесенными мной же сладостями она

свалила на меня столько поручений, что я поспешила поскорее ретироваться. Как только постсоветский человек поймет, что другой имеет хоть какие-то возможности, так от него не отвяжешься!

Власти города регулярно отключали электроэнергию жителям в назидание за неуплату счетов на электричество и им не было дела до тех, кто за все исправно платил. Мое мнение о героических людях этого города было поколеблено, это были наивные люди, попавшие под колесо истории...

У меня была «голубая» мечта — иметь дом на земле и приезжать туда с семьей на машине, но будет ли она реализована — Бог весть, работник был один, а нахлебников трое. В торговле я работать не собиралась, каким-то людям там самое место, но только не мне. Трудно было понять какой из меня мог получиться специалист, ведь я была прирожденной насадкой! Все чего-то перебирала, систематизировала, выискивала, что еще можно сделать полезного для дома. Семейная женщина всегда найдет чем заняться...

Должники Риты не возвращали ей долги и это были ее хорошие знакомые. Инфляция увеличивалась, людям месяцами не выплачивали зарплату, и они начинали рвать друг у друга деньги, энергию, возможности. На днях, будучи на рынке, я наблюдала сцену — одна торговка увидела проходящего знакомого мужчину и спросила, когда он вернет ей долг. Он, не останавливаясь, бросил ей, что делать этого не собирается. «Так пусть тебе мои деньги станут крышкой гро-

ба», — крикнула ему вдогонку женщина.

Как-то сняла с рубашки сына мелкую пушинку, он вознегодовал, что я к нему прикасаюсь. Я сказала: «Какой же ты герой, не боишься мать обидеть!» и пошла в свою комнату плакать. Я уставала от равнодушия детей и мужа. Вспоминала как однажды вернулась после операции домой, дочь вошла ко мне в комнату и заявила, что любит только отца. Выходит, мне можно было сдохнуть, не велика была бы потеря! Временами я становилась наблюдателем жизни, смотрела на происходящее как бы со стороны и мне было интересно, что дальше будет.

Ходила на встречу с классным руководителем сына — молодой женщиной, живущей в соседнем доме и видела своими глазами как школьные учителя перебиваются с хлеба на воду. Позже смотрела по ТВ художественный фильм «Неуловимые мстители» и мне было смешно — за советскую власть воевали даже дети, а отдали ее без боя!

Думала о будущем... Если из меня не получится толкового специалиста, то я хоть научусь думать и анализировать окружающую реальность. Буду стараться ухаживать за собой, чтобы мои близкие меня не стыдились. Идеальных людей нет, у каждого человека имеется хоть какой-то изъян, у меня даже в молодости имелся избыточный вес. Я регулярно делала маникюр и красила ногти, чтобы, работая с текстами, видеть их ухоженными. Соседка, зайдя ко мне за косметикой, удивилась, что я сижу дома с маникюром, макияжем и

нарядная, а я просто впадала в тоску, когда плохо выглядела. Мне нравилось, когда в доме имелись припасы, а если чего-то не хватало, тогда мне еще больше хотелось съесть чего-нибудь вкусненького, тем более, что в квартире было постоянно холодно. Я приветствовала, что к сыну приходили одноклассники, мне хотелось, чтобы сын находился на глазах, а не болтался неизвестно где.

Мне становилось дискомфортно, если в доме было что-то не сделано, не постирано, не приготовлено. Специально не смотрела телевизионных сериалов, чтобы не отвлекаться от учебы. Сын любил домашнюю выпечку, но сколько же надо было перемыть посуды, чтобы приготовить торт, а это был всего лишь десерт, кроме первого и второго блюда.

К осени наша семья разделилась на три части, потому что дочь жила в Москве, а сын поступил учиться в военный институт в другом городе, поэтому возникало много проблем, я не понимала, что мы здесь делаем, ведь муж мог выйти на пенсию, жить с комфортом в столице и при желании еще где-то подрабатывать.

Видела во сне, что мой здоровый, нижний зуб раскололся на две части и из десны потекла кровь, этот сон испугал меня. Беспокоило то, что муж давно не звонил из санатория, он и до отъезда демонстрировал отчужденность.

Один сослуживец мужа, которому я дала кличку «Хрен моржовый» из-за его вечно кислой физиономии с торчащими, длинными усами, занял у мужа значительную сумму де-

нег и полгода не отдавал, видимо, ждал, когда они совсем обесценятся. Другой сослуживец, не вылезавший из долгов, поехал с женой в Москву на случку своей сучки! Люди устроили себе собачью жизнь и были довольны. Мне это было трудно понять. Мой отец за свою жизнь построил пять хороших домов на земле и реконструировал шестой, а нам бы хоть одну скромную дачу под Москвой осилить! Мне хотелось уважать мужа, как хозяина дома, а не государственного квартиросъемщика...

Снилось, что я снова учусь в школе и меня третирует злая учительница, я вновь страдаю и ищу куда бы спрятаться. Утром встала больной и усталой, как будто не спала.

Моя приятельница Рита время от времени заходила, я делилась с ней продуктами, которые привозил наш «кормилец», использующий мои прежние связи на предмет реализации товаров. Рита имела дочь и сына, была еще не разведена, но фактически до нее уже никому не было дела. Мне было интересно взглянуть на индивида, который когда-то брал за нее ответственность. Мне тоже было что вспомнить плохого в семейной жизни, хотя я всегда старалась прощать ближних, давала им шанс проявлять свои лучшие качества. Не смотрела новостей, потому что было трудно видеть то, что происходит в стране. У меня начиналась колебаться вера в завтрашний день. Была в ужасе, что мои мечты не осуществляются никогда. Впереди уход родителей, окончательное охлаждение мужа, отторжение детей. В четырех углах будет жить уны-

лая, никому не нужная, рано постаревшая женщина. Подчас нужно иметь мужество, чтобы жить... Мне не хотелось, чтобы сын поступал в военную систему, в которой служил муж, подвергался выхолащиванию свободного ума. Я хотела, чтобы мои дети повидали мир и были независимыми людьми.

Собиралась пойти на праздник в Дом культуры, я перемерила все платья и вошла только в одно из них. Не нравилась себе в зеркале, зимние чаепития с плюшками в холодной квартире плохо повлияли на мою и без того сочную фигуру. Наверное, муж по приезду будет неприятно удивлен. Никто не ждал от него проявлений бурной страсти, мне было достаточно того, что он считал меня своей женой, а жены бывают разными, я по крайней мере не отравляла ему жизнь придирками и не ревновала, а напротив заботилась о его здоровье, делала массаж лица и маникюр, старалась, чтобы он хорошо выглядел. Если стану ему в тягость, — рассуждала я, — тогда отойду в сторону. Возможно, это были только мои шальные мысли, ведь я всегда была критична, особенно к себе.

Муж вернулся из отпуска совершенно равнодушным, заявил, что подмосковной дачей заниматься никогда не станет, спорил со мной из-за каждого пустяка. Я чувствовала его охлаждение и мне стало ясно, что нужна ему здесь, как бесплатная услуга. Напрасно я была уверена в нем, как бы мне ни пришлось об этом пожалеть...

Мои новые знакомые спрашивали меня: «Ваши друзья так

же друзья и для вашего мужа?» Я понимала, что они хотели бы в перспективе завалиться в нашу московскую квартиру проездом в свои родимые края. Я сказала, что муж сам выбирает себе друзей. В нашу служебную квартиру часто звонили разные попрошайки и Свидетели Иеговы¹, я никому не открывала дверь, уходила из дома тогда, когда сын возвращался из школы. Мне было бы спокойнее за солидной дверью, а не за такой ветхой, какая была у нас.

Иногда я плакала, вспоминая эпизоды нашего с дочерью общения. Отношения с ней вроде бы улучшились, но я не знала надолго ли. Мне было трудно понять многие вещи в жизни, хотя возможно это и к лучшему, ведь суровая реальность может отравлять сознание. Годы быстро прошли, дети для меня остались маленькими, хотя на самом деле они уже стали взрослыми людьми.

Рита рассказала мне, что отдала на хранение подруге ценные вещи, а потом хотела забрать, но подруга сказала, что она их прежде забрала и, наверное, забыла об этом... Раньше эта женщина взяла у Риты кожаную куртку на продажу и ни денег, ни куртки не вернула. Я слушала эти рассказы и поражалась как народ измельчал из-за нужды, это были уже не люди, а людишки.

Как-то находилась в читальном зале центральной библиотеки, когда вдруг все ее сотрудники подскочили и побежали

¹ Организация, чья деятельность признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

отовариваться продуктами под зарплату. Поставками этих товаров ведала наша знакомая, жена одного из заместителей командира дивизии — «Коммерсантка при должности», как ее называли, мне стало понятно почему она живет не по средствам. Когда я позвонила ей и спросила, как дела, она сказала, что плывет как говно по течению...

Меня стало воротить от слова «дружба», я поняла, что местные люди готовы дружить со мной, не потому что их привлекают мои душевные качества, а потому что я имею квартиру в Москве, в которой в случае чего можно остановиться проездом на курорт или к родственникам.

Я особо не страдала за свою более чем скромную жизнь, но мне хотелось бы иногда что-то обновлять в своем гардеробе. Надо было приобретать средства для кожи лица, чтобы преждевременно не состариться. Временами я чувствовала себя несчастной, как будто не свою жизнь жила. Забывала обиды и снова была готова стараться для своих близких, делать их жизнь уютной и комфортной.

Как-то муж сказал, что обедать дома не будет, руководство собирается поздравлять сотрудниц с женским днем и у них будет общее застолье. Руководители дивизии носилось со служащими в штабе местными женщинами, развели там чуть ли не семейственность. Генерал брэнчал им на гитаре, а генеральша рассказывала, что он зачастую приходит домой пьяным и при этом устраивает ей «демонстрации». Я сказала мужу, что я думаю по поводу этих посиделок, но он защищал

положение вещей и мои слова повисли в воздухе. Когда он хотел заткнуть мне рот, то вспоминал о деньгах и в этот раз сказал, что в последнее время на хозяйство ушло много денег. Я спросила его, что значит «много?» Я была сама виновата, что кое-как одета, вечно не смела потратить деньги на себя, а теперь, при всей моей экономии, мне заявили, что я трачу много денег! Так можно было обходиться с зависимой женщиной, которая никуда не денется! Я целыми днями колотилась по хозяйству, стирала на руках, потому что никто обо мне не позаботился, не купил самую простую и дешевую стиральную машину.

На службе у мужа шли бесконечные проверки, которые отвлекали сотрудников от работы. Раньше военнотружачим надо было уложиться в зарплату, а теперь прожить без зарплат по несколько недель. Это был какой-то театр абсурда. Многим людям было не до хорошего, у меня хоть оставался шанс вернуться в свой Московский дом.

В библиотеке одна из сотрудниц спросила, как я собираюсь проводить лето, я сказала, что скорее всего поеду домой, в Москву. «О, я там тоже нынче буду, в гости к вам загляну!» — возликовала она. И эта туда же, — подумала я, — всем я интересна только как жена начальника, москвичка с жильем, но мне совсем не нужны чужие люди в доме, это лишние заботы, траты и беспокойство. Хоть не говори ни с кем, все норовят использовать малейший шанс себе на пользу!

Одна знакомая женщина — заказчица косметики засту-

дила придатки, медсестра их поликлиники приходила и ставила ей уколы на дому, а она, не долечившись, пошла на работу, потому что ей было неудобно кого-то там подвести, а себя значит можно. Самый большой враг женщины — сама женщина!

Многие клиентки на косметику рассказывали мне о новом социальном явлении — «Мужик — альфонс», ищущий платежеспособных женщин для проживания на их территории. У многих местных выработалась привычка прибеждать, чтобы никто на них ни в чем не рассчитывал. Женщины, когда приходили за косметикой, хотели еще и поболтать со мной и оттягивали у меня много полезного для занятий времени, я же не хотела ни с кем сблизиться, у меня не было времени развлекать их...

Муж предпочитал сидеть у компьютера до ночи, чем общаться со мной, совсем я стала ему не интересна. Я не собиралась понуждать его выполнять «супружеский долг». Может быть это затянувшийся период охлаждения, — думала я, — а возможно я просто надоела ему, как горькая редька, но носилась с ним по-прежнему, для меня он был родным человеком, отцом моих детей. Мне не хотелось думать о плохом. Возможно, со временем он выкинет меня за борт, как отработанный материал. Я была очень наивной женщиной, что не думала о себе, а старалась все делать для семьи. У меня никогда и мысли не возникало, что когда-то стану никому не нужна. Если муж меня оставит, то и дети, наверное, отвер-

нутся, они всегда предпочитали его, папа — все, а мать — ничто. Я начинала оплакивать свою горестную участь, потом настраивалась не текущие дела и горестные мысли отходили в сторону.

Моя учеба стала дополнительной финансовой обузой для мужа. Когда она закончится ему будет сорок шесть лет, возможно, он захочет еще изменить свою судьбу, я не верю, что он как мужчина выдохся, просто я, как сексуальный объект, перестала его привлекать. Он сможет найти себе подходящую подружку и отрываться с ней по полной программе, возможно, будучи в браке. Жизнь на все дает ответы, но жить бездумно уже нельзя. Дочь находится в одном месте, сын в другом, а муж хоть и рядом, но далеко. В отпуска он уже давно ездил один, в прошлом часто обижал меня и не понимал, что сказанные им слова могут сильно уязвлять. Сын обладал тонкой организацией, это было ясно даже тогда, когда он был маленьким мальчиком. Возможно, дочь любила меня по-своему, но в ней было несопоставимо больше привязанности к отцу. Когда у нас с ней возникали трения, муж был всегда на ее стороне, чем разжигал в ней неприязненные чувства ко мне. Отец во всем потворствовал дочери, хотел быть лучше матери в ее глазах. Я вспоминала как однажды он сказал: «Нам можно было бы и развестись». Мне уже тогда надо было знать свое место, а я его еще не уяснила. «Если жизнь со мной так невыносима...» И никто никому ничего не должен! Как бы он со мной обошелся в случае развода,

отправил назад к родителям? — рассуждала я. Возможно, это ждет меня впереди... Раньше мы много говорили друг с другом, а сейчас: «Как дела?» «Нормально.»

Рита еле-еле сводила концы с концами, жаловалась дочери на свою жизнь, а та откликалась: «А помнишь, мама...» и высказывала ей свои прошлые обидки, ведь за ними было так удобно спрятать свое равнодушие и нежелание помочь. Надо будет поддержать Риту хоть чем-нибудь, — думала я, — нельзя же человеку сидеть без копейки. Так было бы и у меня, если бы мы с мужем развелись, он бы жил в свое удовольствие, а я бы прозябала. Наши Российские мужички должны только детям до совершеннолетия, а женщинам, которые отдали им свою молодость, они ничем не обязаны, попользовались ими и в сторонку... Вчера муж лег спать пораньше, я к нему прислонилась, он свернулся под одеялом калачом. Наверное, увлекся какой-нибудь бабенкой в штабе или я ему просто надоела, будет держать меня здесь за прислугу. Хорошо, буду соблюдать приличия, тем более, что деваться мне все равно некуда...

Разговаривала с дочерью по телефону, сказала, что приеду в Москву летом, она сомневалась, что у нас сложатся хорошие отношения. «Две хозяйки в одном доме не уживутся!» — сказала она. Я считала себя хозяйкой в доме, но дочь стала думать иначе, спрашивала сколько времени я проведу в Москве. Мало того, что я всю семейную жизнь вспоминала о себе в последнюю очередь, так со мной и дети перестали

считаться...

Генеральша пригласила заместителей мужа с женами отмечать новый год в своем доме, но хотела, чтобы я пришла пораньше и помогла ей с приготовлением блюд, я отказалась, потому что не терпела, чтобы на моей кухне хозяйничали другие люди и не собиралась «отрабатывать» приглашение, ведь я не хожу в гости с пустыми руками, тем более на новый год. На следующий день генеральша снова вытащила всех из дома, не пропадать же остаткам приготовленной накануне пищи! С «Калмыком» — новым сотрудником управления штаба, пришла его жена, приехавшая по такому случаю из Хабаровска, и я смогла полюбоваться на изрядно пьющую, курящую, с плохими зубами неприглядную, но стройную женщину. На следующий день муж капризничал за столом, а я, голодная толстушка, с удовольствием пообедала. Возможно, он этим продемонстрировал, что мне пора худеть, а я не стала в это вникать. Когда мы с ним еще встречались до брака, друзья говорили ему, что в перспективе, после родов, я стану полной женщиной и он с этим соглашался, а теперь сравнивал меня с чужой, ограниченной женщиной и мне это было неприятно. Всю жизнь я делилась с ним новостями и знаниями, чтобы он был в курсе всего происходящего, ведь ему было некогда читать книги и прессу, следила за здоровьем всех членов семьи. Здоровые зубы вообще всегда были моим пунктиком. Смотрела на мужа критически, он — не красивый, активно лысеющий, угловатый мужчина

с проблемной кожей. Много лет я приучала его к тщательной гигиене, но он и ныне мог лечь спать, не почистив зубы. Я всегда следила за его одеждой и многие люди считали его даже модным, но без моих советов он ходил бы всюду в спортивном костюме...

Получила огромный счет за намерение дозвониться до дочери. Связисты брали плату за соединение с двадцатой секунды, как за минуту разговора и нам пришлось этот счет оплатить, чтобы не отключили телефон. Доказать что-либо было невозможно, люди на другом конце провода просто бросали трубку... В городе возник пожар в отводном коллекторе, в некоторых районах электричества не было четверо суток. На нашей лестничной площадке прорвало трубу с горячей водой, и мы с соседями долго боролись с этим наводнением. Муж сказал, что зарплату в срок ему не выплатят и это было самым худшим из всех зол, ведь мы жили от зарплаты до зарплаты!

Бывший муж Риты лежал в больнице, его хватил «кондрачий», потому что, не долечившись от серьезной инфекции, он поехал в Москву «ковать деньги» и вот, получил закономерный результат. Она ему звонила, хотела пожелать выздоровления, но он раздражался, когда в его новой жизни появлялся кто-то из прежней и беспокоил его...

Мы с мужем располагали «проездными» билетами на железнодорожный транспорт один раз в году и думали, когда ими воспользоваться, я не хотела прерывать учебу, но все же

рассматривала вариант поездки в Москву на пару недель. В разговоре с дочерью упомянула об этом, она опять затянула старую песню: «Мы жить друг с другом не можем...» Я была склонна думать о хорошем, она же концентрировалась на плохом. Я понимала, что, если приеду в Москву, дочь будет мне не рада, мне следовало приезжать летом, когда она собиралась уехать работать за границу. Этот разговор расстроил меня, по мне так правда хорошо, а счастье лучше! Как мне было не отчаиваться, когда все мои усилия растопить ее лед оказывались напрасными. Муж в таком положении вещей своей вины не усматривал, но я помнила, как он старался расположить дочь к себе, в ущерб моим интересам. Как только кто-то из близких обижал меня, со дна души поднимались грустные воспоминания, и я долго не могла прийти в себя.

Заходила Рита, долго сидела, пользуясь тем, что мой муж был в отъезде, рассказывала новости, как дочь извела уже половину денег, данных ей отчимом на развитие бизнеса, как сын вытащил из ее кошелька последнюю десятку... Я смотрела на нее и понимала, что ей не вырваться из своей среды. Она взяла мои новые узковатые туфли показать дочери, боялась, что та все деньги размочит, а так хоть что-то полезное останется.

В другой раз Рита рассказала, что дочь осталась без средств, все товары, купленные для перепродажи, за которыми она ездила с подругой в Новосибирск, хранятся у ма-

тери подружки, теперь та всем распоряжается. Хорошо жить ловкачам, когда вокруг столько простаков!

Муж вернулся из командировки совершенно равнодушный, наверное, завел там интрижку. «Привычка охладила нас», как в песне поется. Чувствовала, что не здорова, последний стресс разбалансировал меня, я часто и легко проливала слезы, засыпала с трудом. Обида от разговора с дочерью только слегка притупилась, я горевала, что ни на кого нельзя положиться, надо было прежде больше думать о себе, не отказываться от успешной карьеры, тогда не пришлось бы глотать обиды и возможно, они были бы не такими горькими. Наверное, я неудачница, мне всегда хотелось верить в добро, в хороших людей. Вот и сейчас взяла высокую планку и не уверена, что хватит сил ее вытянуть. Необходимо научиться любить и уважать себя, анализировать все и вся, обретать знания и умения, это даст хоть какой-то смысл к существованию, чтобы не оскотиниться в этой довольно убогой жизни.

Муж потерял аппетит, вечером не хотел ужинать, утром не желал завтракать. Я смотрела на него недоуменно и продолжала делать то, что положено — готовить, стирать, убирать, ухаживать за ним, но уже не хотела, чтобы он лез ко мне в душу, тем более, что он в ней изрядно потоптался, перетягивая на себя одеяло в отношениях с дочерью, а ведь замахивался на святое — на материнские чувства. Вероятно, он даже не осознавал глубины содеянного, возможно, я от

него ждала того, что он не мог мне дать... В его душе имелся изъян и дочь в чем-то походила на него, хотя по сути была великой идеалисткой.

Местные власти отключали в домах электричество. По местному ТВ показали списки должников и сообщили, что вскоре отключат воду, сначала горячую, а потом и холодную. Должники в основном работали, но видимо им не хватало денег на оплату всех счетов.

Муж стал молчаливым, как-то пришел на обед и даже не заметил, что я постриглась. Он вел себя со мной, как сосед — пришел, поел, поспал, ушел на службу. Говорила в основном я, но при этом не чувствовала себя женщиной. Раньше такое бывало, но не до такой степени, он меня стал совершенно игнорировать, даже не делал вид, что он мой супруг. Меня это задевало. Мы становились чужими людьми. В идеале нам надо было разводиться. От мужа всегда было трудно дожидаться знаков внимания. Я не была приспособлена к житейской борьбе и жить мне было не на что. Понимала, что придется терпеть это положение до последнего. Говорят, что выход есть всегда. Выход может быть в уходе. Самым главным для меня стала учеба, через апатию и огорчения она давала шанс выжить и кем-то стать.

Встретила на рынке генеральшу, она была недовольна общением наших сыновей на новогодних каникулах в Москве, мой сын не пригласил ее сыночка в наш дом пожить, они встретились в городе, погуляли, посидели в кафе и разо-

шлись, ее сын поехал к знакомым. Мне было неприятно с ней об этом говорить, как будто я ей что-то была должна.

В очередной раз зашла Рита и рассказала, как выпроводила дочь с подружкой из дома и отняла у нее ключи от квартиры, потому что застала их пьяными на чистых простынях. Сын негодовал на мать, что та не занимается коммерцией, говорил, что ее квартира принадлежит ему. Рита сказала детям, что они смогут поделить ее квартиру только после ее смерти, на что сын заявил, что ждать придется долго, ведь она здоровая. Рита в таких случаях не знала, что сказать и страдала. Подруга подкатила к ней с предложением познакомиться с каким-то бездомным мужиком. Рита спрашивала моего совета как поступить в том или ином случае, а я и сама зачастую не знала, что делать. Рите пришлось врезать в дверь новый замок, потому что после выселения дочери она обнаружила, что из дома пропали кой-какие ценные вещи, значит дочь сделала себе дубликат ключа. На ее фоне мои печали выглядели не так чудовищно...

Мои отношения с мужем потихоньку наладились, я объяснила ему как со мной следует себя вести, чтобы не возникало противоречий. Он уехал в отпуск с намерением подработать в Москве с помощью успешного друга, но я в это мало верила. В нашем социуме каждый хлопотал за себя, почти не встречалось такого, чтобы человек жил и давал жить другим, я была уверена, что муж будет служить до увольнения, а потом самостоятельно устраиваться «на гражданке».

Дочь рассказала мне по телефону, как они с отцом в Москве выбирали и оплачивали костюм и красивую юбку жене его товарища, а мне купили пакет конфет. Да, конечно, большего я и не заслуживала! По своим меркам он меня облагодетельствовал! Я удобная и выгодная жена. В молодости, закончив швейные курсы, шила себе и клиенткам оригинальные вещи. Успевала и детям шить модные брюки, платья и куртки, чтобы они выглядели не стандартно, так что мой муж хорошо устроился. Моя мама помогала мне во всем, покупала верхнюю одежду, так что я не выходила из семейного бюджета... Когда меня начинали мучать обиды, я хотела все бросить и удалиться куда-нибудь, если бы были на это условия. Возможно, я и уйду, когда буду чувствовать себя легче, ведь близкие отравляют мое сознание своим безверием, но пока мне деваться некуда — придется терпеть все, насколько хватит сил. Если бы мои старики жили в городе, я бы к ним вернулась, но они удалились на покой в деревню, а там не прожить без работы. Мне казалось, что муж и дочь были бы довольны, если бы я ушла из семьи. Заметила, что когда не довольна мужем и дочерью, то испытываю к ним неприязненные чувства. Вот такие получились всходы от посеянных прежде горьких семян. Они, конечно, промахнулись, обращаясь со мной как попало, теперь у меня потеряна вера в них. Мне изначально не стоило связывать с мужем свою судьбу, он был не подходящим для меня вариантом, я его пожалела, а теперь мне было жаль, что надежда на

настоящую, счастливую семью не оправдалась.

Пришла одна из клиенток на косметику и сидела долго, жаловалась на жизнь, что ее муж — эгоист, с детьми сплошные трудности, а у нее имеются запросы, которые не удовлетворяются, но я видела ее роскошное кожаное пальто, в котором она пришла и норковую шляпку в цвет, муж любит ее, а дочери ревнуют и следят кому из них мама уделяет больше внимания.

Думала о поездке в Москву, об экзаменах, которые боялась не сдать. Хорошо, когда человек надеется на лучшее, а у меня этого уже не было. Я не ждала мужа из отпуска и не скучала. Если он не способен делать правильных выводов, — думала я, — то мы станем еще дальше друг от друга, я уже не смогу искусственно подогревать свои чувства, придумывать утешительные сказки, у меня это все хуже получается. Я нуждалась в любви дочери, старалась удержать все светлое, что оставалось в душе. Сердце ожесточалось от обид, я все труднее отходила от них, но в глубине души я хотела продолжать борьбу за любовь дочери. Тяжелое душевное состояние мешало в делах, это все равно как если человек идет и несет на себе огромную ношу и поэтому двигается с трудом. Когда начинала думать, что впереди ждут одни неприятности, так делалось очень грустно. Сын уехал и не отвечал на письма, он скрытный человек, я фактически не знала его. Моим близким было просто жить со мной, ведь я все мысли озвучивала, бывало на что-то жаловалась, только никто не хотел

в это вникать. Одна только мама всегда понимала меня, но мне не хотелось нагружать ее своими проблемами, ее изболевшееся сердце могло этого не выдержать... Когда приедет муж, — размышляла я, — буду заботливой, но навязываться не стану. Мне казалось, что временами муж понимал меня, только отклика от него не было. Возможно, это его беда, что он такой молчун и сухарь, а я не умела читать его мысли, мне надо было все проговаривать.

Рита рассказала, что во время прохождения медицинской комиссии у ее сына был обнаружен гепатит С, он принимал наркотики и не хотел идти в армию, наверное, его и не возьмут туда, он такой же психопат, как и его отец... Она обиделась на меня, что при ее приятелях, принесших в мой дом украшения на продажу в день распространения косметики, я сказала, что купила себе два новых стула, а потом продам ей их «по дешевке». Наверное, она хотела, чтобы я ей их даром отдала. Я выбрала себе серебряные серьги из коллекции украшений и сказала, что подарю ей такие же, если она проколет себе уши. «А я хочу золотые», — сказала Рита, на что я ответила, что золотые ей мужчины подарят, а про себя отметила, что она зарвалась, ведь я ей не родня. Позже, когда мы остались одни, я сказала, что ей не стоит ждать многого от чужих людей, как говорится: «Люблю тебя, но не как себя!» Эти слова видимо ей тоже не понравились, но меня это мало тревожило, ей следовало думать, прежде чем что-то говорить.

Подружка соседа снизу, победительница местного конкурса красавиц, решила стать распространителем косметики, что мне было на руку. Девушка ушла от своего друга, потому что он влюбился в другую, но она сказала ему, что вернется, если он позовет... Эта красивая и воспитанная девушка не научилась еще ценить себя, а сосед чувствовал себя хозяином положения, ведь у него была маленькая, но все-таки отдельная квартира...

Заходила Рита, рассказала, что ее сын наркоманит, она обнаружила коноплю в туалете, а подруга ее дочери, с которой она планировала развивать общее дело, заразилась от приезжего женатого мужчины гепатитом Б. Дочь Риты живет с его другом, мужчины приносят девушкам к столу то килограмм картошки, то три окорочка на четверых... Рита взяла у меня денег в долг и тянула с их возвращением, для нее я была богатой. После ее ухода ко мне зашла местная богатая дама, сделала большой заказ косметики. Она водила машину, держалась с большой претензией, но от ее ног противно воняло, после ее ухода я полчаса проветривала квартиру, видно эта женщина была из тех, кто «мордашку натрет, а за ушами черно».

Утром зашла генеральша, я пригласила ее позавтракать только что приготовленной молочной кашей, она советовала мне отказаться от нее из-за моей пышной фигуры. «Лицо у тебя милое, а фигура оставляет желать лучшего», — сказала она. Я же сочла, что это уже слишком, я же не говорила ей о

том, что с такой копной сухих, пережженных желтых волос я бы на людях не показалась... Генеральша была довольна переводом мужа на новое место службы, там ему не придется особо напрягаться, ведь проверять работу других гораздо проще, чем работать самому. Она осталась в этом городе, чтобы при расформировании дивизии продать большую служебную квартиру, при наличии другой в европейской части страны, где они прежде проживали. Она попросила у меня видеокассету с классным американским фильмом, и я мысленно с ней попрощалась...

В последнее время муж стал часто ходить в кафе, в баню или на шашлыки с товарищами. Я его почти не видела, он же просил готовить в баню ужин на троих, видимо подкармливал товарищей — бесхозных мужей, жены которых остались в насиженных местах, хотя все они были не беднее нас, имели средства, чтобы самим о себе позаботиться, но норовили проехать «на халяву».

На генеральскую должность прибыл новый офицер, жена которого не поехала с ним из другого города, он «выписал» ее на свой день рождения и праздновал его с ней и заместителями без жен, я сочла такое отношение не приличным, значит дружбы с этой семьей у меня не получится. Я не хотела повторять печальный опыт с предыдущим начальником и его женой — генеральшей. Новый генерал уделял много сил и времени контактам с местным руководством.

Побывала в гостях у местного поэта, он с женой проживал

в такой замызганной квартире, что я диву давалась, как они выращивали в ней своих детей. Как представила себе, что это семейство заедет в мою чистую московскую квартиру, так мне стало дурно, решила не развивать с ними отношения, ведь здесь все дружили по заинтересованности...

Дети собирались поехать к бабушке с дедушкой со стороны мужа, а о моих стариках забыли. Его родители традиционно получали посылку к праздникам, а мои — бандероль и это считается нормальным в нашей семье.

Один из товарищей мужа предложил ему роскошный мех соболя по умеренной цене, а он отказался, что раздражило меня весьма, ведь муж знал, что мою старую шапку зализала кошка, а без меховой шапки в этих краях трудно пережить зиму.

Рита стала озабоченной женщиной, к ней на работу приходил один местный «деятель», от которого ушла жена. Еще будучи в браке, она нашла другого и уехала за границу. Я думаю, что от хорошего мужа жена не уйдет, значит он был еще тот «подарок». Рита принесла мне праздничный торт, который я оплатила, не хотела быть ей должной. Она постоянно рассказывала мне о своей бедной жизни, рассчитывая на поддержку и ей постоянно что-то перепадало с моего стола.

Ходила в библиотеку каждый день, как на работу и так утомилась, что стало мутить, правая рука до локтя раздражалась от бесконечной писанины и я решила устраивать себе один выходной в неделю, переключаться с учебы на что-

то другое.

Наш ресторанный «кормилец» был в отпуске, ездил на Дальний Восток, пригнал оттуда японскую машину для перепродажи и оставил в нашем городе, чтобы позже транспортировать ее до Москвы. Поручил приглядывать за ней давнего знакомого, который уже отправил семью в центральный регион, а сам остался, чтобы еще чего-нибудь здесь «урвать». Мой муж в очередной раз поутру съездил к вагону-ресторану, получил посылку из Москвы и пригласил к нам нашего «кормильца». До того на квартиру позвонил знакомец нашего «кормильца» и сказал мне, что приглашен к нам на обед. «Кем, — спрашиваю, — моим мужем?» Тот промолчал. Ну, — подумала я, — возможно наш «кормилец» его пригласил, чего, как выяснилось позже, не было, и сказала: «Ладно, приходите и бутылку вина с собой захватите!» Он вскоре появился ни с чем, полчаса ждал прихода хоть кого-нибудь из мужчин и ушел, не солоно хлебавши. Оказалось, этот мелкий делец раздолбал «по пьяной лавочке» оставленную на его попечение машину, а потом со знакомым механиком «накрутил» хозяину огромное количество платежей по ее ремонту, типа «так и было». Когда обман вскрылся, приятели раздружились.

Одна из заказчиц косметики, приятная женщина тридцати восьми лет, рассказывала мне, что муж ей открыто изменяет и утешает тем, что любит ее больше других женщин. Их сын служил в армии, дочь училась в школе, женщина была

на редкость красивая и образованная, но боялась жизни и была не способна принимать самостоятельных решений.

Приходила Рита, затянула старую песню о неудачах, я просила ее не нагружать меня своими проблемами, у меня своих хватает, проводила ее, дав несколько кусков мыла из пайка, положенного мужу. Я понимала, что если ей ничего не давать, она не будет приходить, но мне ее было по-человечески жаль, хотя недавно я была свидетелем ее жадности, когда к ней пришли друзья устанавливать в ее квартире мойку, а она не хотела им за работу даже чаю налить, потом, глядя на меня, поставила чайник и угостила друзей шоколадкой, принесенной мной...

Все вокруг говорили об остром экономическом кризисе, разразившемся в стране, я же считала, что решением подобных проблем должны заниматься ответственные люди в правительстве, почему я — простой обыватель должна страдать?! Каждый человек должен профессионально делать свое дело.

Обсуждали с мужем дальнейшие перспективы жизни, к новому году его подразделение планировали сократить, я бы хотела, чтобы он ушел в отставку, но понимала, что для него было нелегко принять такое решение, ведь он отдал службе в войсках тридцать лет своей жизни!

У нас появился новый сосед — хамоватый человек средних лет, хозяин нового кафе и магазина, куда стали частенько наведываться штабные офицеры. Этот мужчина оставил

прежнюю семью и взял молодую, неизбалованную девушку из Молдавии, которая родила ему дочь и сына, он мечтал, что они продолжат его дело. Его жена стала приглашать меня на вечерние чаепития, и я с удовольствием ходила к ней, захватив с собой что-то из свежей выпечки.

На летние каникулы приехал сын и встречался со школьными друзьями. Он заметно вырос и радовал меня умом и правильной жизненной позицией. Скоро должна была подъехать и дочь, мы планировали отправиться с ней в областной центр, а потом в Китай, расположенный через реку от него. Такие поездки были дешевы и местные люди старались ими пользоваться. На вокзале нас с дочерью встретил товарищ мужа, который был ему чем-то обязан, мы приехали с подарками для всей его семьи, чтобы не быть им в тягость. Этот человек нам очень понравился, а его жена со старшей дочерью, истово верующие православные люди, были явно нам не рады. Их дочь спросила, ходим ли мы в церковь и высказалась по поводу неверующих, что в средневековье их уничтожали. Перед приемом пищи хозяйка истово молилась с дочерью и предлагала это делать и нам. Младшая дочь не радовала мать, она считала ее потерянной душой, потому что та не ходила в церковь и не жила, соблюдая посты, не молилась, стоя по часу на коленях перед сном, как ее старшая сестра, которая уже превратилась в невротика, агрессивную кликушу. Я всегда считала, что, если в человеке чего-то слишком много, то это говорит о патологии личности. Меня пу-

гали эти «истинно верующие», унылые люди, судьи и ханжи. Вспоминала как хозяйка посадила нас с дочерью за стол и предложила помолиться перед едой, при этом сказала: «Не будете же вы ужинать без молитвы, как скоты?!» У нее все было лишнее — музыка, театр, кино, косметика, мода, отдых, знакомства с культурой других стран. Приветствовался аскетизм во всем, посты и молитвы. Мне хотелось задать ей вопрос, зачем тогда для людей созданы все блага цивилизации? Ее муж сказал, что она хотела и меня пристроить в моем же городе к каким-то своим верующим знакомым, но я — светский человек и не собиралась ни сама, ни в компании с другими сходить с ума...

В Харбине мы с дочерью часто ссорились, и я поняла, что мои надежды навести с нею «мосты», оказались напрасными, она вспыхивала, как порох на любой мельчайший раздражитель, ее зрачки расширялись, а лицо багровело. Когда мы позже вместе приехали к моей матери, дочь держала себя высокомерно со мной, чем расстраивала бабушку. Встретившись с братом, дочь двинулась с ним по маршруту, к родителям отца, а я вернулась на Дальний Восток.

В стране наступил жесточайший кризис, цена за доллар взлетела, мужу два месяца подряд не платили зарплату. Как-то мне позвонила жена коммерсанта сверху, просила чесночка, а я ей сказала, что у меня ничего нет. Сумку с покупками, сделанными в поездке, мы с дочерью оставили в областном центре, потому что вылетали оттуда в Сибирь. Товарищ му-

жа обещал по случаю доставить сумку, но долго не вез ее, от чего я волновалась, ведь в ней лежали покупки дочери.

В отпуске муж помогал другу заключить выгодную сделку по доставке каких-то материалов с Дальнего Востока в европейскую часть страны, тот обещал выплатить ему процент от их реализации, но не сделал этого. Я не хотела учиться жить без средств. Муж был удручен, что мы в долгах. По ТВ мы смотрели различные дебаты на злобу дня и настроение портилось еще больше. Две недели страна пребывала без правительства, наконец по ТВ объявили, что премьер-министром в стране станет Евгений Примаков и мы успокоились. Муж говорил, что я слишком увлеклась политикой, а как ею не увлекаться, если от нее зависела вся наша жизнь!?

Под настроение поехала с мужем в лес собирать ягоды, но особо не напрягалась, быстро наполнив ведро, сидела на пенке, слушала шум леса, вдыхала чистый, прозрачный воздух, получала удовольствие от общения с природой, врачевала свою душу. Временами налетал ветер и шумел в кронах деревьев, потом все стихало. Это был последний случай выехать на природу в этом тяжелом году и оторваться от привычных забот.

Дочь несколько дней не могла оплатить мою учебу в институте, курс доллара повышался каждый день. Меня это просто убивало, я глядела в книгу, видела фигу, потому что одолевали мысли о нашем плачевном финансовом положении... Но вот, наконец, муж принес часть заработанных де-

нег и жизнь потихоньку стала входить в привычное русло, только дочь не отправила мне оплаченный заказ косметики, видно у нее тоже возникли трудности со средствами, позже поставки косметики наладились, и я продолжала эту практику. Уставала от местных женщин, они облегчали около меня душу, а мне от этого становилось еще хуже.

Генеральша злилась, что в Хабаровске их семье предоставили небольшую квартиру, потому что их старший сын покинул семью и учился в военном институте в другом городе, а ее такой расклад не устраивал. Она планировала в перспективе продать обе служебные квартиры и вернуться в тот город, где они с мужем основательно осели, и создали солидную материальную базу. У нее на словах никогда не было денег, но она каждый день ходила на рынок и выискивала что-то особенное для себя и дочери. «Коммерсантка при должности» уехала в Хабаровск по месту службы мужа, ее бывшие подчиненные не могли нарадоваться этому факту, ведь она их постоянно «доила», выплата их отпускных зависела от «полноты налитого стакана».

Меня радовало то, что, при увольнении мужа из войск, он получит приличные пенсионные выплаты, хотя в столице их надолго не хватит. Мне было больно, что он не достиг желаемого, не стал генералом, в то время как наши старые друзья за это время успели продвинуться в новой реальности.

Зачитала мужу кое-какие сведения о психологическом комплексе нашей дочери, который, несомненно, был ею не

преодолен, но он стал искать корни этого явления в моей наследственности. Мой отец в период климакса ревновал мать и чудил, у него развился атеросклероз. Выходило так, что я прожила более двадцати лет с человеком, который все годы сомневался, подхожу ли я ему по генетике. Я не выдержала и просила оставить в покое мою семью, которая не хуже многих прочих, сказала, что он своим неправильным поведением усугубляет комплекс дочери, никогда не поддерживал и не жалел меня. Он настаивал, чтобы я согласилась с его мнением, что мой род хуже его рода, а значит и я хуже него. Потом он отговорился от всего этого, но осадок у меня на душе остался неприятный. Мы такие разные люди и не понятно, что столько лет делали вместе... Мне некуда было деваться и не на что жить, а то бы я от него ушла. В цивилизованных странах мужья даже после развода заботятся о своих женах, но мы живем не в цивилизованной стране. Я скоро помирилась с мужем и жалела, что не сдержалась, но после этого разговора заболела, меня знобило и выворачивало наизнанку в течение нескольких дней.

Заходила Рита и рассказывала, что стала жить вместе с дочерью в целях экономии средств, но та пускается в загулы, последний раз пошла в кафе и пропала на неделю. Там ее «подцепил» (или наоборот — история умалчивает) какой-то мелкий делец сорока двух лет из областного центра и увез с собой без документов и типа собирается на ней жениться, а она думает, что он староват для нее. «Они все рассказали

о себе друг другу», — говорила Рита и сказала, что она тоже пользуется вниманием мужчин. Не мудрено, ведь их так много развелось без жилья и работы, цепляются к свободным женщинам буквально на улице. На днях какой-то деятель постучал к Рите в дверь и спросил: «Не здесь ли проживает подполковник Орлов?» В итоге хотел с ней познакомиться... Делец из областного центра, дававший ей бижутерию на продажу, приезжал и хотел получить деньги за свой товар, а она их уже потратила. «Я думала, что он хотел мне помочь жить», — сказала Рита, а я думала, что он хотел помочь себе... Она лепила пельмени, пекла торты на заказ, чтобы хоть как-то выжить. Мне было жалко эту беднягу, она билась, как рыба об лед, я дала ей свиного сала, чтобы она могла пожарить на нем картошку.

Одна женщина в библиотеке иронизировала по поводу моей учебы, вроде того, кому все это надо?! Для собственного развития, — ответила я. Обывателям лишь бы брюхо свое набить, — думала я, — если они рассуждают таким образом, ведь человек состоит не только из тела, но и из духа и души.

В начале осени исполнилось полвека, как мои родители создали семью. Ныне такое многим людям не по силам... Мои родители соединились в союз в страшные послевоенные годы, прошли через множество испытаний и стали единым организмом. Руководящая роль в семье всегда принадлежала матери. Она была средоточием любви и добра для мужа и детей. Он служил ей всю жизнь и видимо получал от это-

го удовольствие. Дети были воспитаны в почтении к матери, которая окружала всех заботой и вниманием. Я не представляла себе, чтобы мать или отец мог даже подумать о разводе, это было невозможно. Ныне институт семьи стал трещать по всем швам и во многом благодаря затяжной тяжелой экономической обстановке в стране.

Проводила мужа в отпуск, в Москву. Поехала к вагону, увидела там любовника знакомой молодой женщины, которая недавно вышла замуж и уехала жить в Соединенные Штаты Америки, не смотря на его уговоры остаться с ним и не обращать внимание на то, что у него есть семья и ребенок. С ним была какая-то девица, «одноразовая неотложка», по классификации прежней подруги, а себя она представляла разрядом выше, типа «это уже измена». Видимо незамеченных нет, природа не терпит пустоты, ведь этот мужчина, повар вагона-ресторана, регулярно уезжал из дома на одиннадцать суток.

Получила письмо от женщины, с которой познакомилась в Китае на русском кладбище, с приглашением приехать к ней в гости в Австралию и расстроилась, ведь мы ничего не могли себе позволить! Нам даже одеться прилично было сложно, не говоря о многом другом. Муж говорил, что в столице безработица, что тогда говорить о других регионах нашей необъятной страны...

Снова пришла генеральша, «облегчить душу», как она сказала. В цивилизованных странах люди ходят к психоло-

гам и нагружают их своими проблемами за плату, а у нас водится плакаться друг другу в жилетку. Она рассказала, что ее обидела родственница, торгующая на рынке, сказала, что ничего не даст ей из того, что привезла себе из отпуска и это после того, как генеральша долгое время помогала ей жить...

После генеральши зашла Рита, рассказала, что дочь снова загуляла, а у нее украли меховую шапку из гардероба поликлиники. Жить не на что, сын время от времени приносит матери продукты из холодильника отца... Рита озабочена идеей снова выйти замуж, но таких женщин, как она, с грошовой зарплатой или матерей — одиночек повсюду много расплодилось. Рита — наивная женщина, говорила: «Накопить бы денег, да сходить в ресторан и там с кем-нибудь познакомиться!» К этому мне было нечего добавить.

В городе участились убийства людей в квартирах, у них похищали деньги и драгоценности. Видимо, они открывали двери незнакомцам, сохраняли прежнюю доверчивость, хотя в такие страшные времена она совсем ни к чему. Мои соседи на площадке нередко напивались и кричали друг на друга очень громко, для них это было в порядке вещей. Я ходила на рынок, когда выпадал менее морозный день и появлялась в чем-то конкретная нужда, а без дела выходить и морозиться не было смысла. Щеки опухали от мороза, в квартире я ходила в двух теплых носках, на улице дышала через шерстяную варежку. Ноги мерзли, деревенели колени. Я мечтала пережить зиму без осложнений для здоровья. Иной раз

хотела принять душ и размышляла — не простудиться бы потом в холодной квартире. Постоянно там жить было нелезя. У местных женщин имелось по букету болезней, связанных с простудой. На улице за пять минут лицо замерзало, а с ветром было еще хуже. Как тут аборигены существовали всю жизнь, не понятно, особенно меня потрясло то, что в мороз молодые люди на ходу ели мороженое! Цены на продукты подпрыгнули, оставалась неизменной только цена на хлеб и то по постановлению властей. Временами я отмечала, что становилась другим человеком, в голове продолжался непрерывный мыслительный процесс. Каждый день прибиралась в доме, готовила, пекла хлеб, работала с информацией, ложилась спать за полночь и все равно засыпала с трудом.

Была в гостях у жены коммерсанта сверху, она угощала меня голубцами в виноградных листьях. Я зачастую, кроме выпечки, брала с собой сельдь, купленную на рынке во льду и засоленную с приправами, которая всем очень нравилась. Женщина рассказала, что главный начальник на дороге, словесное недержание которого я однажды наблюдала на одной из тусовок важных лиц города, оскорбился, когда ее муж не пригласил его на презентацию кафе и запретил директорам вагонов — ресторанов отовариваться у него продуктами. Ее муж позвонил ему позже и услышал: «Я вас не знаю!» Тогда он пошел к начальнику в кабинет и имел получасовую выволочку с матом и оскорблениями. Вот так вели себя здесь местные князьки...

В квартире было постоянно холодно, в пояснице время от времени селились «бритвы», я натирала больное место лечебной мазью и потихоньку передвигалась. О диете не могло быть и речи, мне приходилось часто разминаться и пить горячий чай с чем-нибудь съедобным, чтобы элементарно согреться. Муж возвратился из отпуска и в квартире стало теплее, это он надышал...

Глава 3.

Возвращение в столицу

В связи с расформированием дивизии муж написал рапорт об увольнении из войск, и я начала готовиться к возвращению в Москву. Отнесла купленные прежде книги в дар библиотеке, доработала рефераты, уложила вещи в коробки, кое-что продала, а кое-что оставила Рите. В Москве получала партии коробок с вещами и растворяла их в хозяйстве. Ездила в институт и знакомилась с преподавателями и со студентами очно-заочного отделения, людьми гораздо моложе меня по возрасту.

Генеральша в то время гостила у друзей в Москве, позвонила мне и хотела повидаться. Я посоветовала ей, направляясь ко мне, взять такси в один конец, чтобы было не так утомительно дважды в день пользоваться метро. Я специально дала ей понять, что не горю желанием располагать ее у себя на ночь, ведь она прежде ничем не радовала меня, даже не поделилась удачным рецептом засолки помидор, который я у нее много раз просила. Она изображала передо мной важную персону, которой для меня не являлась.

Погрузилась в учебу и многие печали переместились на второй план, я упорядочивала дом и делала все необходимое по статусу жены и матери. Сын продолжал учиться в другом

городе, мы обменивались письмами и время от времени говорили с ним по телефону. В Москве мне приходилось поддерживать отношения с друзьями и родственниками, а на все это требовалось время, которого катастрофически не хватало. Подбадривала мужа в делах, впору было подбодрить и себя, потому что я слишком много волновалась и страшилась публичных выступлений. Учеба шла с трудом, ведь с возрастом слабеет память, а нужно было выполнять творческие задания, писать рефераты и сдавать экзамены. Будничная суета отнимала много сил и времени. Муж колотился в роли посредника, чтобы две заинтересованные стороны подписали важный договор. У него было много разных идей, в чем-то его даже заносило, я поддерживала его, как могла. Мужу было явно не до меня, и я спокойно на это смотрела. Многие люди в то время промышляли посредническими услугами, но трудно было чего-то добиться, когда многие ниши были уже заняты другими, более активными людьми, начавшими заниматься бизнесом гораздо раньше. Возникал знакомый сослуживец мужа, по кличке «Калмык», он тоже уволился из войск и хотел куда-нибудь пристроиться, я просила мужа не оставлять его у нас на постой. «Существует братство», — сказал он мне, но я не собиралась устраивать из нашей квартиры дом приезжих, у нас не было средств содержать гостей, к тому же меня уже давно тошнило от его войсковых товарищей, привыкших, что все им должны...

В международный женский день мы были приглашены к

тетке, которая встретила нас в халате и ночной сорочке, что выглядело пошло. Она забыла подать на стол обещанную заливную рыбу, я была уверена, что она ее и не готовила. Муж подарил мне книгу о китайской кухне, которую приобрел во время поездки в Китай, предпринятой накануне его переезда в Москву, и я осваивала новые блюда по ее рецептам.

Побывала с мужем в общежитии у молодого пламенника тетки, приехавшего учиться в военную академию из небольшого сибирского городка под Иркутском. За ним подтянулась молодая женщина — парикмахер, она стала его сожительницей, он с ней связался, будучи в браке. Ребенка от первого брака она оставила на попечение родителей и вцепилась в молодого мужика мертвой хваткой, находя его перспективным. Я называла их «сладкой парочкой». Они поведали нам, что тетка регулярно звонит на родину и рассказывает родне, что кормит их, а я с ее слов каждый день звоню ей по телефону, чтобы справиться о ее здоровье. Я давно поняла, что тетка патологическая лгунья, никогда не могла удержать свой трепливый язык и была рада, что наша дочь отдалилась от нее, а мне приходилось терпеть ее выходки из опасения, что она начнет настраивать мужа против меня, а у нас с ним и так были сложные отношения.

Дочь демонстрировала в отношении меня равнодушие или раздражение, набиралась всякого мусора от своих не в меру раскрепощенных подруг. Как-то мы говорили с мужем на кухне о делах, она полезла в «бутылку», стала представ-

лять себе, как я поведу себя в случае развода с отцом, типа того, что все нажитое разматаю... Муж уверял, что никогда со мной не разведется, он двадцать два года назад давал мне обещание в верности, но дочь не извинилась за свои слова и перестала со мной разговаривать. С нею трудно было долго общаться, срабатывал ее комплекс и из нее начинала вылезать агрессия. На следующий день я пошла в ванную принимать душ, кошка открыла дверь туда и мне стало холодно, а дочь ходила мимо и не прикрывала дверь, на мое замечание сказала, что не знала, чем я там занимаюсь. Когда приехал отец, она говорила только с ним, а меня игнорировала. Мне было интересно как в этой ситуации поведет себя муж, отмолчится, как прежде или порекомендует дочери вести себя прилично. Дочь уловила кто в доме хозяин и поэтому позволяла себе не считаться со мной. Вечером я высказывала мужу свое недовольство ее поведением, он просил меня быть терпимой, а если он не устраивает меня таким, какой есть, то я могу поискать себе другого. Он повторил это дважды. Я поняла, что муж не собирался защищать меня от негативных проявлений дочери. Он так же сказал, что все друзья и родственники мной недовольны. «Назови мне хоть одного человека из нашего окружения», — сказал он, — кому ты нравишься!? Ты слишком много из себя воображаешь!» Иллюзий у меня сразу поубавилось... Через несколько дней он сказал, что погорячился и хотел бы, чтобы мы с дочерью его «не доставали». В дальнейшем, когда я делала замечания

дочери, муж сразу возбуждался, начинал на меня нападать, а как-то заявил, что уйдет из дома на вокзал...

Получила письмо от Риты, в котором она писала о своих трудностях. По своим душевным качествам она была, несомненно, достойна лучшей жизни. Если у меня появятся средства, — решила я, — пошлю ей какой-нибудь сюрприз на день рождения. Со своим тощим кошельком мне было стыдно заходить в магазины, полные товаров. Если было бы больше денег я бы поменьше проводила времени на кухне, покупала бы что-то готовое, а так тратила время и силы, стараясь экономить. Дочь устраивала истерики по поводу оплаты курсов арабского языка, в то время как денег не хватало на продукты, но отец сказал ей, что готов оплачивать их и дальше. Многие наши знакомые жаловались на безденежье. Почти вся наша обувь требовала ремонта, мне надоедало без конца освежать набойки, люди вокруг рвали деньги друг у друга, как могли. Дочь предлагала мне закрыть тему с учебой, если у нас не будет денег на оплату ее занятий, ведь она собиралась работать на Ближнем Востоке, это являлось ее заветной мечтой. Тетка говорила о том, что собирается уехать жить на родину, но я в это не верила, ведь источник ее доходов находился в Москве.

Как-то я работала в читальном зале библиотеки, а в это время в наш дом нагрянули неожиданные гости. Дочь позволила мне, не зная, что делать с этим нашествием. Мне это тоже не понравилось. Муж простой, как дверь, привел в дом

приезжих из Сибири, желающих выпить и закусить за чужой счет. Эти люди искали в столице простаков, которые прониклись бы их интересами и помогали жить... Я не понимала зачем он носился с людьми, которым ничего не должен. Он был еще неопытным человеком в сфере бизнеса, а на каждом шагу подстерегали жулики, у которых все было «схвачено» только на словах. Мужчине, понятно, необходимо заниматься каким-то делом. Народ вокруг выживал как мог, зачастую за счет ближнего.

Тетка просила доставить ей нашу сумку на колесах, я пошла к ней и увидела там сожительницу ее молодого племянника, она была в настолько короткой юбке, что, сидя напротив, я видела ее трусы. Знакомые рассказывали, что в общезжитии она выходила на кухню в коротком халате вообще без белья и все могли лицезреть ее голую задницу. Молодой племянник тетки еще не развелся с законной женой, а эта женщина уже ездила к нему на родину, а когда к нему в Москву приезжала жена, она держала его при себе в гостинице, а своего сына оформила учиться в школе под его фамилией. Я поняла, что эта женщина не пропадет, если надо, то пойдет по трупам и расчистит себе место под солнцем...

Читала произведения литературных деятелей — преподавателей института и была не в восторге от них, перестала смотреть на них как на сверхлюдей. По своим человеческим качествам они зачастую были хуже простых обывателей и такими их сделала по-московски фальшивая жизнь. Каждый

выживал, как мог. Одна из моих институтских приятельниц из экономии пошила сама себе демисезонное пальто, и я в мыслях сочувствовала ей, ведь так можно начать саму себя стричь...

Сдача в аренду гаража помогала нам сводить концы с концами. Как-то арендатор настоял на снижении платы за него и хотел этот «номер» повторить в следующем месяце, но муж поставил вопрос ребром: либо он платит за аренду гаража, либо возвращает ключи, и ситуация сгладилась. Я старалась при случае положить на счет в банк хоть какую-то сумму денег, чтобы в случае острой нужды можно было на них рассчитывать.

В магазинах продавались продукты низкого качества, я предпочитала покупать те, что дороже, но лучше. На народ свалилось изобилие новых товаров и вкусов, неведомых до тех пор и всем хотелось отведать что-то новенькое.

Один из товарищей мужа, с которым он когда-то учился в академии, завел себе еще одну семью и ребенка в ней, не зря жена подозревала его в изменах. Я считала, что его другу следовало было определиться между женщинами и не морочить никому голову, ведь его законная жена была молодой и достойной женщиной.

Бывший сослуживец мужа организовал охранную фирму, платил своим работникам — бывшим военным служащим гроши и в короткое время приобрел для семьи три квартиры, две машины и два гаража под них. Он перестал общаться с

мужем, потому что тот не соответствовал его новому материальному положению.

Приезжала знакомая, пожилая женщина, рассказывала о жизни своей родственницы, работавшей на Московском рынке. Она годами содержала бездельника — мужа, который находил возможным снимать сливки с молока, предназначенного их маленькому сыну. Он привык жить и думать только о себе, а молодая женщина его еще любила, поэтому и тянула семейную лямку...

Другая моя хорошая знакомая рассказала мне, что ее муж три года не приносит в дом денег, подвизается в какой-то фирме, где ему ничего не платят. Она работала в сфере коммунального хозяйства и еще получала пенсию, на эти деньги они и существовали. Трудно было поверить в то, что все настолько плохо в этой прежде прекрасной семье, видно, ее муж завел на стороне подругу, тем более, что со своей женой перестал разговаривать.

Тетка выбрала и приобрела еще одну квартиру в собственность, на первом этаже девятиэтажного дома, которая выглядела как хлев, потому что прежде в ней жил алкоголик, сделавший из квартиры притон, но это ее не испугало, ведь она могла организовать в ней дешевый ремонт. При оформлении документов на квартиру оказалось, что у нее нет свидетельства о смерти мужа. В офисе ей предложили оформить документы на ее любимого племянника, моего мужа, но она отказалась, врала всем, что ее муж был полковником. Она бы-

ла вся соткана из лжи и вралы так искусно, что начинала сама верить в свои сказки. На обратном пути после оформления квартиры тетка предложила мне зайти в кафе, но увидев цены в меню, громко возмутилась и пошла на выход. Позже она сдала эту квартиру в аренду, имела проблемы с арендаторами и часть их вешала на нас...

Один из бывших сослуживцев мужа из провинции позвонил и намекал на то, что хочет определиться к нам в дом на временное жительство, но я сказала ему по телефону, что у нас не постоянный двор, а тем людям, у которых нет денег на гостиницу в Москве, лучше оставаться дома.

Как-то я была на рынке с множеством продовольственных ларьков, там всегда было много народу, потому что цены были ниже, чем в магазинах. Увидела лежащего на земле старика, который собирал на территории рынка картонные коробки и внезапно умер, люди толкались рядом, не обращая на него внимания. Я спросила у продавца ближайшего ларька, что произошло, и он сказал, что старик лежит тут уже два часа и его труп никто не забирает. Это было горестное зрелище, люди стали превращаться в мусор...

Ко мне приезжала давняя подруга — землячка с гражданским мужем, она рассказала, как в свое время добилась квартиры в Москве, ей пришлось заключить фиктивный брак с москвичом, потом разводиться с псевдо-мужем и оплачивать кооперативную квартиру, деньги на которую ей дали родители. Ее гражданский муж оставил жену с двумя детьми, про-

живал на ее территории, нигде не работал и постоянно демонстрировал свою значимость. Ему не понравилось, что наша кошка шипит на него и он советовал мне бросить ее в мусоропровод.

Разговаривала с родителями, мама сказала, что у них все нормально, а отец озвучил, что с деньгами туго. Мне хотелось регулярно помогать старикам, но пока по силам было посылать им только небольшие посылочки к праздникам. Они жили на маленькие средства и меня это сильно огорчало. Старалась не смотреть политические дебаты по телевизору, мои нервы не выдерживали подобных зрелищ, потом я подолгу не могла уснуть.

Временами меня накрывала апатия, я связывала ее с физическими недомоганиями. Эндокринолог сказал, что в моей щитовидной железе образовался большой узел и я понимала, что это произошло потому, что моя жизнь переполнена стрессами. Как-то мне в институте не засчитали реферат из-за недостаточного количества страниц, это выбило меня из колеи, и я увидела во сне, что беременна...

Ждали наступления нового года. Тетка позвонила и поинтересовалась как мы собираемся его встречать, дала понять, что хочет праздновать новый год у нас, это значило, что нам придется приглашать к себе еще и «сладкую парочку» (племянника с сожительницей), что меня совсем не радовало, ведь тратиться приходилось только мне. Я считала, что тетке надо было собирать родственников у себя, ведь ей нрави-

лось, когда к ней приходили люди, славословили ее и приносили подарки, а она в это время примеряла одежды «звезды». Она норовила руководить всеми нами и мне приходилось это терпеть, но это не говорило о том, что это будет продолжаться вечно. Я не хотела служить этой патологической личности, достаточно было того, что мало-мало считалась с ней. Как-то она заявила, что на презентации в книжном магазине какой-то известный автор подарил и подписал ей свою новую книгу, а также желал ее вместе с нею читать! Непонятно кто ее тянул за язык, она хотела, чтобы все ею восхищались, мирились с ее наглым враньем, она упивалась, если видела, что настояла на своем. У меня растекалась желчь от общения с ней, я хотела, чтобы ее было как можно меньше в нашей реальности, но ее было слишком много. Тетка заявила, что подаренная племяннику рубашка очень дорогая, а я видела такую же на рынке в три раза дешевле. Она постоянно где-то преувеличивала, а что-то преуменьшала, в зависимости от выгоды. Мужу впоследствии приходилось «отрабатывать» все ее дары, ей нравилось унижать людей, даже самых близких, она получала от этого удовольствие. Меня временами буквально тошнило от этой женщины.

Муж в очередной раз подольстился к дочери, а меня обидел и у меня пропало желание общаться с ним, а ведь он мог вести себя совсем иначе. В нем было много деревенского, неистребимого, как и у его любимой тетушки и это раздражало меня.

Иногда я смотрела глянцевого журналы, которые покупала дочь, окуналась в мир грез и понимала, что этот мир не для меня. Считала, что это макулатура, без которой можно легко обойтись. В этих журналах переливалось одно и то же, из пустого в порожнее, пересказывались сплетни о известных людях, а я хотела жить своей судьбой. Дочь зачастую демонстрировала негативное отношение ко мне, прежде я не поверила бы, что такое возможно в моей семье. Понимала, что нужно пойти к психологу или психотерапевту, чтобы он помог мне выбраться из состояния тоски, но беда в том, что я сильно уставала, особенно к вечеру. Воистину близкие люди — самые жестокие, но и посторонние люди всегда были готовы подлить яда в сложные родственные отношения.

Приснился странный сон, как будто в мой дом ломилась нечистая сила в виде страшного мужика, потом черного кота, который кидался на меня и кусал за руки, а я спасалась от него бегством.

Приходил сын тетки, жаловался на мать, что она считает его деньги, я сказала, что она и наши считает, как свои... В другой раз тетка отправила его к нам за фотоаппаратом «Полароид», потом звонила и говорила, что они нигде не могут найти к нему пленку. Это была неприкрытая ложь, этого добра было много повсюду, ей просто хотелось «халявы», но я сказала, что пленки у нас нет, а она может купить себе новый аппарат и пользоваться им сколько угодно, после этого вопрос был снят с повестки дня. Я решила, что мне ни к чему

нести лишний изъян, когда скоро самой понадобится заряжать этот фотоаппарат пленкой по поводу праздника, тетка утомляла меня своими мелкими хитростями и подлостями. Пусть ее племянник с ней общается, — думала я, — если у него хватает на это терпения, а мне надоело, что она делает из меня дуру, которая должна играть по ее правилам. Тетка мужа хотела вертеть и распоряжаться людьми, как владычица человеческих судеб! Ее сын затаил на меня зло с тех времен, когда навещал мать в Москве, когда она была еще бесприютной. Он останавливался тогда на постой в нашем доме, украл несколько видеокассет из подборки наших фильмов и выпил все спиртное из бара, я выгнала его из дома на глазах матери. До поездки на Дальний Восток, я отчасти общалась с ней и поняла ее сущность. Во все времена года она сидела в своем рабочем кабинете в зимней норковой шапке, что видимо должно было демонстрировать сотрудникам ее богатство и значительность, а сотрудники за спиной называли ее «Чучундрой». У тетки была страсть обесценивать усилия работников, а плату за выполнение мелких поручений забирать себе... Она хотела, чтобы касса предприятия была для нее открытой. Главный бухгалтер — принципиальная молодая женщина сказала, что не собирается из-за нее садиться в тюрьму за финансовые нарушения и ее присутствие в том предприятии стало под вопросом. Тетка буквально брызгала слюной от злобы, когда рассказывала мне о том случае.

Муж по просьбе тетки перетаскивал купленную ею подер-

жанную мебель в ее новую квартиру, а она пеняла ему, что после всех ее «благодетелей» я отказала ей в мелкой просьбе. Оказывается, она давала мне по триста долларов в месяц, когда он был в отъезде! Меня просто трясло от ее подлых интриг. Эта злобная женщина только прикидывалась верующей, икону Иисуса Христа держала на подоконнике за шторкой, а на Пасху заявила, что она безгрешная особа... Я понимала, что теперь эта «Святая» будет наговаривать на меня всякую чушь мужу и осложнять нашу жизнь, но я все равно не собиралась ей льстить.

На семинарах в институте наблюдала всякое-разное, у одного мастера хвалили студента, у другого его рвали на части и это были «новоиспеченные гении», которые в критике преуспевали больше, чем в творчестве, считавшие, что «если автор не сломается, то в дальнейшем у него все будет в порядке.»

Руководитель поэтической студии «Павлин-Мавлин», как я прозвала одного старого преподавателя в институте, как-то на лекции во всеуслышание заявил, что для оздоровления ему полезна «Пшеничная», а в другой раз сказал, что способен размотать любое состояние...

Как-то дочь за завтраком начала высказывать отцу свои претензии ко мне, что я велела ей приготовить мясо по-китайски, а она будет готовить то, что ей захочется. Я же только предложила возможный вариант, но ее уже разнесло, она начала раздражаться и на отца, и было видно, что он болез-

ненно реагировал на ее выходки. Дочь надулась, что он ее не поддержал, она в эмоциях не умела контролировать себя. Муж настаивал, чтобы я не обращала внимания на поведение дочери, иначе его надолго не хватит, у него сдают нервы.

Мое физическое состояние ухудшилось, но я не смела об этом заикаться, не хотела раздражать близких. Лежала как-то на кровати и трогала свой болезненный живот, представляла в каком месте его разрежут, если что-то случится. Надо бы облегчить участь хирургам и похудеть, — думала я, — но легко было сказать, а трудно сделать. Раздумалась о том, о сем и стало очень грустно. Здоровье пошатнулось, учиться трудно, а впереди самое страшное — потеря родителей, безденежье, старение, недуги. Тоска, тоска... В чем искать утешение? Наверное, в творчестве. Вот поправлюсь, — размышляла я, — пойду в концертный зал, послушаю какую-нибудь хорошую музыку, куплю необходимые книги и начну сочинять рассказы по малейшему творческому импульсу, буду гулять на свежем воздухе и врачевать душу, чтобы сильно не болела. Конечно, я была меланхоликом, половину жизни промечтала, проплакала... Всегда верила, что все будет хорошо, а теперь моя вера пошатнулась. Вряд ли когда-нибудь у меня появится загородный дом... Вряд ли меня ждет безбедная жизнь. Она всегда будет скромной, даже если после окончания института я найду себе работу. У меня будет более чем скромная пенсия в этой как будто вековечно проклятой стране. В последнее время все чаще стало

шалить сердце, и я боялась, что это может быть проявлением наследственности со стороны моей матери.

Приходил сын тетки и просил у мужа ключ от его новой квартиры, ведь мать сказала ему, что эта квартира принадлежит племяннику. Муж сказал, что ключи от квартиры находятся у его матери и он разрешает их взять... Представляю себе, как тетке пришлось выкручиваться! Я вспомнила как однажды ненадолго заезжала к ней в гости, когда она еще жила в Казахстане и, собираясь домой, купила в магазине дорогую футболку для своего сына, так тетка просила передать эту футболку ему и сказать, что это ее подарок!

Тетка обещала пригласить нас к себе на Рождество, но, видимо, забыла и я была этому рада. Она переоценивала свой стол, думая, что для людей событие оказаться за ним, ей было невдомек, что это мы делали ей честь своим посещением, эта пожилая женщина никак не хотела учиться считаться с мнениями современных молодых людей, ей хотелось царить и всеми понукать.

Дочь то кивала мне, то смотрела на меня, как на пустое место. Я поражалась на силу комплекса, живущего в ней, не находила в себе сил с ним справиться, только временами пыталась донести до нее, что она грешит, ведя себя жестоко по отношению к матери, что в конечном итоге это на ней же и отразится. Наверное, она ушла бы в самостоятельную жизнь, но ей, как и мне, некуда было идти и не на что жить. Муж храбрился, сам себя гипнотизировал, но я видела, что дела

его не хороши, на имеющиеся доходы домик на земле не построишь, машину не купишь и детей не отселишь...

Я очень сильно разболелась и ходила делать инъекции в поликлинику. Мне было ясно, что физическое состояние ухудшилось вследствие долгого нервного напряжения. В разговоре с мужем сказала, что нам в первую очередь надо думать об отселении дочери, он сказал, что я — сумасшедшая. Это высказывание подтвердило мою мысль, что я — одна, никому до меня нет дела. Я устала от этой борьбы и хотела только одного — скорее стать независимой, чтобы не чувствовать себя никому обязанной.

Тетке понравилось рассказывать всем знакомым о том, что ее сын — опытный самец, пользующийся успехом у женщин, а этот недалекий мужик далеко за сорок, с желтыми белками заплывших глаз не мог даже трех слов связать. Его многочисленными «невестами» становились женщины, поступающие работать в часто меняющийся штат неофициальной фирмы, организованной его матерью. Эти женщины мечтали прибрать к рукам имущество этой богатой семьи. Как-то я увидела рядом с ним совсем молоденькую девушку и после этого уже не могла смотреть на него спокойно.

Старалась откормить похудевшего сына, приехавшего на каникулы, готовила ему любимые блюда, торты, пончики и мясо по-китайски с имбирем и соевым соусом, которое делает любое мясо мягким. Сын ездил с сестрой в кино и с друзьями на дискотеку, а я радовалась тому, что он хорошо

проводит время.

Стала больше чувствовать сердце, а раньше о нем не вспоминала. Мне было трудно высидеть все занятия в институте, от большой нагрузки часто повышалось давление крови. Муж рассказывал о приобретениях своего крутого земляка, у него всегда наблюдалось придыхание к богатым людям. Его земляк вовремя подсуетился и поступил в услужение к воротилам в банковской сфере, которые жировали на вкладах населения, а нам видимо следовало восхищаться тем, как он хорошо устроился. Не продемонстрировав никому своего богатства, земляку мужа трудно было получать от него удовольствие. Я смотрела старые фильмы и поражалась на тусклую советскую жизнь, когда людей судили и сажали в тюрьму за пустяки, а ныне ловкачи воровали миллиарды и винюватых не находилось.

Дочь простудилась и не хотела лечиться, в итоге я захворала следом за ней. Всегда начинала лечиться народными средствами, вроде горячего молока с медом, а если лечебного эффекта не наблюдалось, то переходила на лекарства. Муж уехал к товарищу, который завел вторую семью и мне было не понятно, что он там потерял, наверное, набирался опыта. Он демонстрировал недовольство тем, что в доме мало денег. Я сказала, что тогда ему надо больше зарабатывать, а он мне в ответ, что другого мужа надо подыскать! Научился грубо разговаривать с женой, стал раздражительным и нетерпимым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.